

Секция «Стабильность и устойчивость современных государственных систем»

**Внутриэлитный консенсус как фактор обеспечения устойчивости
политических систем Центральной Азии**

Научный руководитель – Шатилов Александр Борисович

Осинина Дарья Дмитриевна

Аспирант

Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: daria_osinina@mail.ru

Центральная Азия - регион, входящий в круг геополитических интересов России, значимость которого обусловлена длительным периодом совместной государственности. Однако за годы независимости Центрально-Азиатские государства значительно диверсифицировали свои внешнеполитические ориентиры - в регион «пришли» КНР, США, Турция, европейские государства. Тем не менее, и без того высокий интерес к Центрально-Азиатским республикам со стороны крупных международных игроков значительно возрос после смерти И. Каримова в сентябре 2016 г. и стартовавшего в Узбекистане транзита власти. И, если модель транзита власти, осуществившаяся в Узбекистане не нова для региона - смерть сильного лидера и борьба потенциальных преемников за президентское кресло, то процессы, запущенные Н. Назарбаевым в Казахстане по плавной и управляемой передаче власти, являются своеобразным экспериментом для всей Центральной Азии. Надо понимать, что транзитные процессы всегда потенциально могут привести к разбалансировке системы и переигрыванию существующих «правил игры», а значит и к потере стабильности. Особенно это актуально для персонифицированных режимов, где вся вертикаль власти завязана на одного конкретного человека.

Но что является основой и гарантией стабильности в современном мире? Ряд исследователей сходятся во мнении, что основой устойчивости и национальной безопасности любого государства сегодня является именно внутриэлитный консенсус, достигаемый как между представителями различных элитных групп, так и внутри каждой элитной группы. Соответственно, из стабильных государств, относящихся к тому или иному региону, складывается стабильность всего региона в целом. Наличие проблем в одном из государств, влечет за собой нестабильность всего региона в целом.

Таким образом, деятельность внешних акторов в попытке «модерировать ситуацию» по нужному им сценарию вкупе с наличием внутренних противоречий является почвой для нарушения внутригосударственной стабильности. А имеющиеся примеры «цветных революций» еще больше актуализируют данную тему. Конечно, внутриэлитного консенсуса в абсолютном понимании не бывает, элита как таковая не гомогенна, она состоит из различных групп, имеющих свои интересы, конкурирующих друг с другом за властные рычаги, за доступ к ресурсной базе.

Тем не менее, в Центральной Азии можно выделить 3 реализующиеся модели внутриэлитного консенсуса, которые отличаются друг от друга доминирующими принципами рекрутирования элиты. Учитывая, что традиционные структуры в Центрально-Азиатских обществах играют важную роль, то при анализе политических раскладов их обязательно учитывать. Итак, первая модель - силовой консенсус - представлена в Узбекистане. Окончательно она оформилась после Андижанских событий 2005 г., в урегулировании которых ключевую роль сыграл экс-глава Службы национальной безопасности Республики Узбекистан (СНБ) Р. Иноятов. События 2005 г. потребовали от И. Каримова изменений в проводимой им клановой политике, на первый план вышла задача «зачистки»

радикальных представителей Ферганского клана и поддержания баланса сил, прежде всего, между двумя ключевыми кланами - Самаркандским и Ташкентским, а также между их лидерами Ш. Мирзиёевым и Р. Азимовым. Подобная модель силового консенсуса прошла проверку в 2016 г., когда после смерти И. Каримова 02.09.2016 был запущен процесс транзита власти, прошедший бескровно. Ш. Мирзиёев, ставший сначала и.о. президента, а затем и президентом Республики Узбекистан, в январе 2018 г. провел кадровую ротацию в силовых органах, сняв Р. Иноятова, а на пост первого заместителя председателя Службы государственной безопасности (правопреемнице СНБ) назначил своего свата Батыра Турсунова. Таким образом, заменив руководство силовых структур на лояльных лично ему людей, Ш. Мирзиёев сохранил особый статус силовиков в системе власти и спектр их задач - поддержание стабильности и баланса между ключевыми элитными группами.

Вторая модель - семейно-родственный консенсус - характерна для Казахстана. Для описания внутриэлитных взаимоотношений в Казахстане лучше всего подойдет пирамидально-иерархическая структура, на вершине которой находится Н. Назарбаев. Далее идут группы влияния первого уровня, к которым относятся родственники и ближайшее окружение Елбасы; группы влияния второго уровня - финансово-промышленные группы, образовавшиеся вокруг родственников Н. Назарбаева; группы влияния третьего уровня - акторы, с ограниченным функциональным потенциалом влияния. Сразу стоит отметить, что уход Н. Назарбаева с поста президента страны на ситуацию внутри властной пирамиды кардинально не повлиял. Ему удалось сохранить ключевые рычаги влияния на ситуацию в стране за собой - пожизненное председательство в Совете безопасности РК, председательство в политическом совете правящей партии «Нур Отан», а также почетное звание «Елбасы» (Лидер нации), закрепленное за ним конституционно с 2010 года.

Выстраивание «жесткой вертикали власти» в Казахстане началось еще с начала 1990-х гг., с момента обретения Казахстаном независимости. Однако говорить об актуальной для современного Казахстана «властной вертикали» можно с 1995 г., с момента подавления всех политических оппонентов Н. Назарбаева. В итоге, закрепление за Н. Назарбаевым «топового» статуса во властной пирамиде закрепило за ним монопольное право на определение доступа к политическим и экономическим ресурсам государства. Это и позволило ему формировать вокруг себя персональную клиентеллу. А интеграция в политическое и экономическое пространство республики членов семьи президента, позволила им также со временем формировать вокруг себя персональные клиентеллы. Соответственно, внутри данной системы за годы пребывания у власти Н. Назарбаева сложились «правила игры», поддержание которых выгодно сегодня почти всем членами «властной вертикали», так как за ними закреплены аппаратные и экономические ресурсы. Однако подобная персонализация властного ресурса опасна в целом для системы, так как уход Н. Назарбаева с политического пространства республики приведет к переделу ресурсов и переигрыванию сложившихся правил игры.

И, наконец, третья модель - клановый консенсус - реализуется в современном Таджикистане. Данная модель уходит корнями еще в советский период. Так, в Таджикистане традиционные структуры общества представлены родовыми кланами, выделенными по территориальному принципу, среди которых можно выделить два ключевых, наиболее многочисленных - Ходжентский и Кулябский. При этом на исторический ареал размещения Ходжентского клана Ленибадскую область приходилось самое большое количество городов, что предопределило род деятельности его выходцев - управленческая отрасль, медицина, здравоохранение и т.д., т.е. все, что связано с наличием высшего образования. В то время как ареал проживания кулябцев - Хатлонская область исторически ассоциировалась с аграрным сектором. В итоге в период прихода советской власти в Таджикистан, активнее всех ее поддержали выходцы Кулябского клана. Именно они впоследствии под-

держат внедрение системы колхозов, а также ряд других реформ из Центра. В итоге, излишняя самостоятельность представителей Ходжентского клана, а также их «широкое присутствие» в управленческих структурах республики привели к тому, что Москва при рекрутировании кадров в силовые структуры сделала ставку на кулябцев. А после распада СССР именно этот факт сыграл на руку Э. Рахмону (выходцу из кулябского клана), поскольку на его стороне оказались силовики.

Более того, после окончания Гражданской войны в Таджикистане кулябцы прочно закрепили свои позиции в системе власти республики, потеснив представителей Ходжентского клана, и без того потерявших свои позиции после отставки экс-президента Р.Н. Набиева (представитель Ходжентского клана). Однако текущий срок для действующего президента Таджикистана Э. Рахмона четвертый по счету. А осенью 2020 г. Таджикистану предстоят очередные президентские выборы, которые судя по меняющемуся институциональному контуру внутри самой республики, могут привести к изменению «правил игры».

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что действенной на практике, т.е. пережившей транзит власти и показавшей свою устойчивость, пока является только узбекская модель, внутриэлитный консенсус в которой поддерживается силовыми структурами. Напротив, и Казахстану и Таджикистану транзит власти только предстоит, что вполне может привести к переигрыванию «правил игры» и формированию нового баланса сил.